

И.М. Дзялошинский,
заведующий лабораторией бизнес-коммуникаций
НИУ «Высшая школа экономики»

**«ЗАЧЕМ НУЖНА ДОРОГА, ЕСЛИ ОНА НЕ ВЕДЕТ К ХРАМУ?»
(МОЖНО ЛИ СЧИТАТЬ СОЦИАЛЬНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
БИЗНЕСА РЕАЛИЗАЦИЕЙ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ?)**

Категория «справедливость» относится к числу часто употребляемых в самых разных дискурсах: политическом, юридическом, публицистическом, житейски-бытовом. Объясняется это как очевидной несправедливостью окружающего мира, так и предельной размытостью смыслового наполнения этого понятия. Студенты факультета журналистики МГУ и факультета прикладной политологии ГУ-ВШЭ, которых попросили в письменной форме дать ответ на вопрос: «Что такое справедливость?», разделились на три основные группы (в опросе участвовали 400 человек):

1) 46 процентов участников опроса пришли к выводу, что справедливость есть принцип организации общественной жизнедеятельности, обеспечивающий правильное распределение ресурсов (38%) и равенство возможностей (8%);

2) 23 процента опрошенных в той или иной форме указали на то, что справедливость выступает в качестве регулятора - нравственного или законодательного - межчеловеческих отношений;

3) 20 процентов опрошенных жестко и однозначно отказались давать какое-либо внятное определение этого понятия, так как, по их мнению, либо «нельзя дать определение тому, чего не существует», либо «у каждого есть свое понимание справедливости».

Остальные участники опроса, выбрав вариант «Другой ответ», не расшифровали его.

Справедливость – зачем?

Если не слишком усложнять ситуацию, то очевидно, что социальный смысл концепции справедливости определяется стремлением людей к благоденствию. Толкование слова «благоденствие» в разных источниках дается без существенных расхождений. Корень слова – *благо*, т. е. «все доброе, полезное, служащее к нашему счастью» (словарь В. Даля). *Благоденствие*, или благоденство, – счастливая, благополучная жизнь, покой, мир и довольство (В. Даль); это спокойная и счастливая жизнь в довольстве, полная обеспеченность (С. Ожегов).

Исследованием теории общественного благоденствия занимались многие ученые с древнейших времен (Платон, Аристотель). На современном этапе развития науки – с начала XX в. – среди зарубежных ученых выделяются: Б. Аккерман, Э. Гутманн и Д. Томпсон, У. Кимлика, Дж. Маджоне, Л. фон Мизес, Р. Нозик, Дж. Ролз, А. Сен, Ч. Тейлор, М. Фридман, Ф.А. фон Хайек. Проблеме благоденствия посвятили свои работы отечественные исследователи: Е. Агапова, В. Бобков, Е. Давыдова и А. Давыдов, Л. Дартау, Ю. Мизерницкий и А. Стефанюк, Г. Зараковский, Б. Каверин, Н. Римашевская.

В работах этих и многих других авторов подчеркивается, что благоденствие – это приемлемый и желаемый уровень и качество жизни, это возможности для процветания, условия для обеспечения материальных потребностей (а именно: средства на приобретение товаров и услуг, возможность выбора среди них, гарантия качества предоставляемых товаров и услуг), которые логично дополняются условиями для нематериального обогащения, или духовного развития¹.

Либеральное (или социально-либеральное), толкование проблематики общественного благоденствия представлено американским философом

¹ При этом надо иметь в виду, что представители разных социальных групп имеют неодинаковое представление о «счастье», о благоденствии и о собственных перспективах. Кроме того, в свете изучения теории общественного благоденствия актуальна неизбежная проблема общего блага: им всегда пользуются также и те, кто не принимал никакого участия в разработке этого блага (из чего следует, в частности, «проблема безбилетника»).

Джоном Ролзом в фундаментальном произведении «Теория справедливости» (1971 г.). Дж. Ролз описал идеальные условия, в которых концепция справедливости должна вырабатываться, реализовываться и поддерживаться. В его системе «вполне упорядоченное» общество за «занавесом неведения» заключает исходное соглашение по принципам справедливости, стороны соглашения исходно равны и рациональны, и благо здесь – «удовлетворение рационального желания»². Соглашение происходит с учетом двух фундаментальных принципов справедливости – принципа свободы и принципа дифференциации. По первому принципу, людям должны быть предоставлены права на максимальную, по возможности, совокупность равных основных свобод. По второму принципу, «социальные и экономические неравенства должны быть устроены так, чтобы они были (а) к наибольшей ожидаемой выгоде наименее преуспевших и (б) делали доступ к должностям и положениям открытым для всех в условиях честного равенства возможностей»³.

Представителями школы либертариизма являются Ф. фон Хайек, Р. Нозик, Л. фон Мизес, М. Фридман. Осуждая коллективизм и плановость и предупреждая о негативных последствиях их возрождения, австрийский ученый Фридрих Август фон Хайек отстаивал либертарианские взгляды о необходимости соблюдения человеческих прав и свобод – вплоть до самых, казалось бы, незначительных. Даже свобода в выборе работы необходима человеку для «ощущения благополучия»⁴, – писал он. «Благоденствие народа, так же как и счастье одного человека, зависит от множества причин, которые слагаются в бесчисленное множество комбинаций. Его нельзя адекватно представить как единую цель: разве что как иерархию целей, всеобъемлющую шкалу ценностей, в которой всякий человек сможет найти место каждой своей потребности»⁵. Именно поэтому в плановых экономиках благоденствия быть не может. Интересен нетривиальный вывод Ф. Хаеика:

² Ролз Дж. Указ. соч. С. 36.

³ Там же. С. 84.

⁴ Хайек Ф. А. фон. Дорога к рабству. С. 76.

⁵ Там же. С. 49.

формальное равенство перед законом несовместимо с любыми действиями правительства, нацеленными на обеспечение материального равенства различных людей, и всякий политический курс, основанный на идее справедливого распределения, однозначно ведет к разрушению правозаконности. Ведь чтобы политика давала одинаковые результаты применительно к разным людям, с ними надо обходиться по-разному»⁶.

Что касается институционального оформления благоденствия, ученый выказывал уверенность, что на социальные силы и институты можно воздействовать только искусными техниками и ненасильственными методами, так как институты меняются лишь в ходе эволюции. Это означает ограниченность попыток повлиять на все институты, как способствующие, так и препятствующие распространению общественного благоденствия.

Альтернативное либертарианству течение коммунитаризма представлено в исследованиях канадских ученых У. Кимлики и Ч. Тейлора, в работах индийского ученого А. Сена.

Чарлз Тейлор выдвинул важный тезис о неразложимости социальных благ в одноименной работе⁷. Ч. Тейлор утверждал: есть немало случаев, когда благо объединяет индивидов в коллектив и приносит пользу коллективу в целом. Яркий пример – культура, которая не является индивидуальным благом. Детализация вопросов блага и права на таком уровне, как у Тейлора, полезна для выработки действительно эффективной и реализуемой теории общественного благоденствия.

Амартия Сен представил свою позицию: процесс исторического развития эквивалентен процессу расширения человеческих свобод; при этом универсальным средством достижения свобод и обеспечения «хорошей» жизни является материальное богатство⁸.

⁶ Там же. С. 65.

⁷ Тейлор Ч. Неразложимо социальные блага: [Электронный документ] // Неприкосновенный запас. – 2001. – № 4 (18). [Электронный документ]. – <http://magazines.russ.ru/nz/2001/4/tailor.html>.

⁸ Сен А. Развитие как свобода / Пер. с англ. под ред. и с послеслов. Р. М. Нуреева. – М.: Новое издательство, 2004. – 432 с.

Интересную версию понятия общественного благоденствия предлагает ЮНЕСКО. Эта международная организация рассматривает общество благоденствия через концепцию общества знаний. Основные принципы ЮНЕСКО: свобода слова, расширение доступа к информации и знаниям, содействие культурному разнообразию, равный доступ к качественному образованию⁹. Осуществление концепции, в частности, предполагает сокращение информационного разрыва между развитыми и развивающимися странами.

Благотворительность и справедливость – близнецы-братья?

Благотворительность существовала всегда. Но, принимая разные формы, она опиралась на различные схемы обоснований. В архаических обществах смысл благотворительности заключался в общинном противодействии чрезмерному обнищанию некоторых членов общины. Под эту социально понятную обязанность благополучных членов общины подводилась внушительная идеологическая база. Дело доходило до того, что благотворительность рассматривалась не просто как помощь конкретному члену общины, а как преодоление общей несправедливости мира. В Талмуде благотворительность обозначается словом *цдака* (צדקה). Поскольку это слово означает буквально «праведность» или «справедливость», то сам выбор его свидетельствует об отношении законодателей Талмуда к благотворительности. (Одновременно это означает, что комментаторы священных книг хорошо понимали несправедливость Бога, создавшего этот несправедливый мир. Чтобы выкрутиться из этой щекотливой ситуации, мудрецы придумали замечательную формулу: «Всевышний мог бы распределить богатство поровну между всеми людьми. Но если бы все были богатыми или бедными, то кто был бы щедрым?»)

По мере усложнения отношений в общине, понадобилось более сложная доктрина. Вот как ее реконструируют современные толкователи: «С

⁹ ЮНЕСКО. [Электронный документ]. – <http://www.unesco.org/new/en/unesco/>.

точки зрения цифр может показаться, что занятие благотворительностью ухудшает финансовое положение человека. Но если мы признаем, что Б-жье благословение является первоисточником богатства, то благотворительность следует рассматривать как самое разумное вложение капитала. Человек, у которого возникали финансовые затруднения, должен увеличить свой вклад в благотворительные цели, тогда он сможет рассчитывать на Б-жье благословение. «Платите десятину, чтобы иметь возможность преуспевать», – говорят наши мудрецы (*Талмуд, Таанис, 9a*). Благотворительность открывает пути для получения богатства с Небес. Действительно, прежде чем определить, в какой мере благословить человека, Б-г часто наблюдает за тем, сколько он отдает из уже имеющегося богатства на нужды другим»¹⁰. Другими словами, благотворительность – это способ завоевать себе благословение Божье.

Христианство, независимо от конкретной формы своего воплощения, впитало эти идеи и добавило к ним новые. В частности, речь идет о таких ценностях, как равенство и свобода. «Обе эти ценности числились среди фундаментальных основ христианской традиции, с которой идентифицировали себя европейцы – и это казалось вполне естественным. С одной стороны, религия, претендующая на универсальный характер, не могла не проповедовать равенство своих адептов – пусть даже такое ограниченное, как равенство перед лицом Всевышнего («Нет предо мною ни эллина, ни иудея» – говорит Иисус; Ветхий Завет рассказывает, что человек был создан Господом одним и единственным – прежде всего для того, чтобы показать, как приятно Ему «единство среди множества»). С другой стороны, сама идея грехопадения – как и вся моральная доктрина христианства – предполагают за человеком возможность выбора между добром и злом, и тем самым утверждают свободу воли, которая лежит в основе всех остальных свобод человека. Таким образом, в рамках христианской традиции удачно соединились идеи равенства и свободы – что и определило способность

¹⁰ Благотворительность и богатство. <http://www.chassidus.ru/library/jacobson/charity.htm>.

принявшей эту доктрину цивилизации к быстрому поступательному развитию. Более того; это развитие было тем успешнее, чем жестче церковь была отделена от государства и чем мощнее были ее позиции («подъем христианской церкви [как противовеса мирской власти] – первейший источник свободы на Западе», утверждает Ф. Закария)¹¹.

Понятно, что резкое расслоение общины на имущих и неимущих противоречило основополагающим идеям свободы и равенства. Благотворительность была прекрасным способом доказывать свою приверженность этим ценностям. Так, например, в начале XIII века св. Фома Аквинский говорил о том, что подчинение слабого сильным, неизбежное в ходе становления общества, не должно стать базой социального строя и в перспективе будет искоренено; он же настаивал на том, что «если группа свободных людей руководима правителями во имя общего блага всей группы, такое правительство оправданно и справедливо, как отвечающее потребностям людей; если же правительство создается не для общего блага всех, а во имя частного интереса правителя, оно будет несправедливым и извращенным правительством»¹².

Совсем другой смысл благотворительность приобрела во времена расцвета классического капитализма, или, как сейчас говорят, в эпоху модерна. И, как свидетельствует В. Иноземцев, если за судьбы политического равенства можно было «не волноваться» уже к началу XIX века, когда американская и французская революции провозгласили равенство граждан перед законом и объявили народ источником суверенитета, то борьба за экономическое равенство только еще начиналась. Сначала так называемые «утописты» начали рассуждать о некоем идеальном государстве, граждане которого хотя и бедны, но уравниены в экономических правах; затем Ш. Фурье и немецкие коммунисты осудили буржуазное общество как воспроизводящее неравенство; потом К. Маркс и Ф. Энгельс создали

¹¹ Иноземцев В. Социобиологическая природа противоречий XXI века. - В кн.: Постчеловечество. - М.: Алгоритм. 2007. С. 10-11.

¹² Иноземцев В. Социобиологическая природа противоречий XXI века. - В кн.: Постчеловечество. - М.: Алгоритм. 2007. С. 11-12.

концепцию, согласно которой капиталисты обогащаются за счет эксплуатации рабочих, которые лишены средств производства и потому вынуждены продавать свою рабочую силу. Основной задачей с этого момента провозглашалось устранение этой эксплуатации и тех социальных условий, которые делали ее возможной. Основоположники марксизма – и в этом вряд ли стоит сомневаться – были искренне уверены в осуществимости этой благородной задачи и боролись за ее воплощение в жизнь.

Современные общества Запада стали индустриальными уже в конце XIX века. Однако имущественное неравенство, сопровождавшее процессы промышленного развития, достигло к тому времени уровня, явно угрожавшего социальной стабильности. Наиболее дальновидные представители имущих классов понимали, что благотворительность может выступить прекрасным средством снятия социальной напряженности, заменителем социальной революции. Как свидетельствует профессор питерского филиала Высшей школы экономики Даниил Александров, первые крупные американские фонды – Пибоди, Карнеги, Рокфеллера и Сейдж – были созданы до принятия первого федерального закона 1913 года, предоставившего налоговые льготы при передаче части доходов благотворительным организациям¹³.

Как пишет Д. Александров, в Америке до 1910 года по статистике было основано 146 различных благотворительных фондов. При этом желание завещать деньги на благое дело или даже передать их при жизни, никак не было связано вначале с надеждой на освобождение от налогового бремени. Более того, общая статистика движения денежных средств, принадлежащих фондам, не показывает резкого роста объемов финансирования, выделяемых на благотворительность после 1913 года, хотя, конечно, число фондов и их суммарные активы продолжали все время расти¹⁴.

Однако, что очень важно, учредители этих фондов были уверены, что сумеют более грамотно использовать имеющиеся ресурсы для борьбы с

¹³ Александров Д. Системная благотворительность. <http://www.polit.ru/research/2006/05/19/daa.html>.

¹⁴ Там же.

социальным злом во всех его формах, таких как нищета, безработица, неграмотность, фанатизм, чем это сумело бы сделать федеральное правительство США, забирая оно в свое время все эти деньги в виде налогов.

По аналогии с созданием крупных холдингов или трастов в сфере экономики в области благотворительности бизнесмены стали организовывать крупные корпорации с диверсифицированными интересами. Недаром главный фонд Карнеги, основанный в 1911 году, назывался «Корпорация Карнеги в Нью-Йорке». Развитие фондов, несомненно, шло в атмосфере конкуренции между их основателями, вышедшими на новый рынок – рынок благотворительности, где возврат инвестиций происходил в символической форме престижа.

Справедливость – благотворительность – социальная ответственность бизнеса?

Что касается бизнеса, то принцип справедливости в настоящее время трансформировался в концепцию социальной ответственности. Эта концепция обосновывает положение о том, что бизнес несет ответственность не только за соблюдение законов и производства качественного продукта или услуги, но и добровольно берет на себя обязательства перед обществом, работает на улучшение качества жизни людей.

Согласно этой точке зрения, бизнес несет ответственность перед обществом, в котором функционируют, помимо и сверх обеспечения эффективности, занятости, прибыли и соблюдения закона. Организации должны направлять часть своих ресурсов и усилий на социальное развитие общества, обязаны жертвовать на благо и совершенствование общества. Более того, в обществе сложились определенные представления и стереотипы того, как должна вести себя организация, чтобы считаться добропорядочным корпоративным членом общества.

Существуют три основных теоретических обоснования концепции социально-ответственного бизнеса. Первое, включающее *теорию*

корпоративного эгоизма, подчеркивает, что единственная ответственность бизнеса - увеличение прибыли для своих акционеров. Вторая точка зрения - *теория корпоративного альтруизма* – обосновывает, что корпорации обязаны вносить значительный вклад в улучшение качества жизни. Третью позицию представляет одна из самых сильных «центристских» теорий, *теория «разумного эгоизма»*, согласно которой социальная ответственность бизнеса - это просто «хороший бизнес», поскольку сокращает долгосрочные потери прибыли. Тратя деньги на социальные и филантропические программы, корпорация сокращает свои текущие прибыли, но в долгосрочной перспективе создает благоприятное социальное окружение и, следовательно, устойчивые прибыли.

В настоящее время наиболее распространены две модели социальной ответственности: американская и европейская. В американской модели доминирует филантропия, когда компания делится частью прибыли, вкладывая ее в общественно-полезные инициативы – жертвует на благотворительные нужды. С точки зрения инвестора благотворительная деятельность свидетельствует о социальной устойчивости компании, что при прочих равных условиях делает ее более привлекательной для вложений. К тому же, именно эта модель находит наибольшее понимание со стороны населения, общественных организаций и персонала. Негативной стороной американской модели является распространенное среди населения мнение, что компания, активно вкладывающая в благотворительность, отмывает деньги.

Социальная ответственность по - европейски - это включение социальной деятельности в общую стратегию создания добавленной стоимости компании. Все финансируемые мероприятия в рамках такой модели работают на максимизацию прибыли. Наиболее распространенными объектами инвестиций являются: развитие персонала компании, вклад в развитие муниципальных образований, где расположены производственные мощности компаний, природоохранная деятельность, развитие науки,

образования и технологий, благотворительные вложения с участием сотрудников компании, программы приведения деятельности компании в соответствие с мировыми отраслевыми стандартами.

Российский бизнес также начал переходить от форм чистой благотворительности к стратегиям, где социальная ответственность уже стала частью корпоративной культуры.

Российские специалисты, выбравшие в качестве ориентира американскую модель благотворительности, утверждают, что «развитие благотворительности в России давно переросло рамки традиционного меценатства и безвозмездной помощи обездоленным. Конечно, и сейчас существует много добрых людей, готовых жертвовать по велению сердца, не задумываясь о программности своих действий. Но появилось и другое понимание благотворительности. Крупные предприятия выработали свои социальные программы, которые вписываются в концепцию социальной ответственности бизнеса»¹⁵.

В другом документе утверждается, что «стойкая тенденция последних двух лет – «мода» на благотворительность. Все больше компаний и предпринимателей – представителей не только крупного, но и среднего, и мелкого бизнеса, – охотно тратят средства на благотворительные цели».¹⁶

Под эту тенденцию подводится солидная теоретическая и нормативная база. И есть огромное количество аргументов, доказывающих позитивность этой тенденции.

Однако если снять флер наукообразности, то речь идет об очень простых тезисах.

1. Есть богатые люди и богатые организации. Есть бедные люди и бедные организации. Богатые должны помогать бедным.

Дальше приводится длинный список обоснований.

¹⁵ <http://www.asi.org.ru/ASI3/main.nsf/d/blag>.

¹⁶ Благотворительность в России. Ведомости. 06.03.2007.

2. Государству функцию оказания помощи бедным людям и бедным организациям доверить нельзя, потому что государство решать социальные проблемы не умеет.

Дальше приводится длинный список обоснований.

3. Именно богатые люди, ставшие богатыми благодаря своему предпринимательскому таланту, сумеют с помощью своего таланта и опыта профессионалов, работающих в благотворительных фондах, куда лучше помочь бедным и решить социальные проблемы.

Дальше приводится длинный список обоснований.

4. Чтобы поток помощи от богатых к бедным увеличился, надо чтобы государство уменьшило налоговые тяготы богатых, стимулируя их помогать бедным.

Дальше приводится длинный список обоснований.

Никоим образом не преуменьшая значимости благотворительности и социальной ответственности, следует вместе с тем учитывать несколько обстоятельств.

Во-первых, благотворительность и справедливость все-таки разные категории. Никакими объемами благотворительности невозможно скрыть тотально неэтичное поведение большинства бизнесменов. В качестве примера можно привести ценовой сговор, приведший к существенному повышению цен на хлеб летом 2010 года. Да, из-за небывалой засухи страна недосчиталась примерно трети урожая. Но ведь хлеб пекут из муки, заготовленной из зерна урожая прошлых лет. Откуда же удорожание? Президент и премьер вынуждены были лично вмешиваться в ситуацию при посещении ряда регионов России. Ситуацию так до конца выправить не удалось. Народ проявил недоверие к объяснению ситуации в СМИ и буквально смел с полок магазинов гречневую крупу, которая может храниться длительное время. Ответ спекулянтов последовал мгновенно: гречка поднялась в цене втрое. Какая уж тут этика?

А ситуация с лекарствами? Сколько подделок, сколько афер с биодобавками, якобы спасающими от всех болезней. Сверхприбыль стала главной целью большинства предпринимателей. При этом попирается не только мораль, но и уголовный кодекс. Считается, что за деньги можно нанять команду адвокатов, которые «отмажут» от любой уголовной статьи. Видимо, поэтому Президент вынужден реорганизовать Следственный комитет, наделяя его дополнительными полномочиями. И милицию пытаются «перевоспитать», преобразовав в полицию. Только будет ли толк? Ведь за 20 лет «демократических» реформ сложилась «мораль» и «этика», ориентирующие значительную часть общества на обогащение любой ценой.

О какой социальной ответственности может идти речь, если в кризисные годы руководители крупнейших компаний, в т.ч. с государственным участием, устанавливали себе сверхвысокие заработные платы и бонусы? При этом ни для кого не секрет, что рост тарифов на услуги указанных корпораций как раз и является источником повышения выплат в их структурах.

В России около 40 миллионов пенсионеров, это почти треть населения страны. В день «пожилого человека» 1 октября 2010 года Президент призвал бизнес проявлять о старшем поколении больше заботы и внимания, но чем будет подкреплён этот призыв? Пока все прибавки к пенсиям съедает инфляция. Магазины для малоимущих - это, по существу, признание, что в стране есть люди второго сорта. Им предлагают залежалый товар, и это в то время, когда кто-то пьёт шампанское по тысяче евро за бутылку, а то и дороже. Как должны относиться к этому люди, воспитанные на православных многовековых традициях справедливости и соборности?

Во-вторых, в России идеологию социальной ответственности, как ее понимает западное сообщество, в состоянии принять только крупный бизнес. Для большинства российских предприятий понятие социальной ответственности связано с предоставлением социально значимых услуг для местного населения и социальными «поборами» со стороны местных

властей. Такая социальная роль скорее может трактоваться как социальная нагрузка, а не как социальная ответственность. В сложившихся институциональных условиях средний бизнес не получает ни материального, ни морального эффекта от той социальной роли, которая ему фактически навязывается. Он не имеет никакой защиты от так называемого социального «ржкета».

В-третьих, в России, как и во многих других развитых странах резко возрастает количество людей, которых нобелевский лауреат Г. Мюрдаль назвал «underclass'ом»: «ущемленный в своих интересах класс, состоящий из лиц, которые с большей или меньшей степенью безнадежности отделены от общества, не участвуют в его жизни и не разделяют его устремлений и успехов»¹⁷

Под такое определение подпадает весьма значительная часть граждан современных постиндустриальных обществ. В условиях роста доли национального богатства, присваиваемого «классом интеллектуалов», добросовестного труда наемного работника уже недостаточно для получения дохода, позволяющего относить себя к среднему классу, как это было в индустриальную эпоху. Сегодня, в то время как обладатели уникальных знаний и способностей оказываются в привилегированном положении на рынке труда, низкоквалифицированные работники попадают в гораздо более тяжелое положение, так как даже «стабильный экономический рост не может обеспечить их «хорошими» рабочими местами, как это было в прошлом»¹⁸

Все сказанное выше означает, что ряды относительно неимущих будут пополняться, уровень социальной напряженности повышаться, что, собственно говоря, уже происходит и в развитых странах Запада, и в России. Известный социолог Лев Гудков констатирует: «Социальная зависть в стране увеличивается параллельно росту благосостояния. Однако сильнее россияне

¹⁷ Myrdal, Gunnar. Challenge to Affluence, New York: Pantheon Books, 1963, p. 10.

¹⁸ Danziger, Sheldon, Sandefur, Gary and Weinberg, Daniel. "Introduction" in: Danziger, Sheldon, Sandefur, Gary D. and Weinberg, Daniel H. (eds.) Confronting Poverty. Prescriptions for Change, Cambridge (Ma.), London: Harvard Univ. Press, 1996, p. 10.

завидуют не богатым и знаменитым, не олигархам и большим начальникам, которых большинство видит только по телевизору, а чуть более обеспеченным соседям»¹⁹. Что касается богатства и благополучия, то они в «представлении граждан объясняются доступом к власти, злоупотреблениями чиновников, коррупцией, спекуляциями, но никак не модернизацией и ростом производства, эффективностью труда, инновациями»²⁰.

И еще одна цитата: «Если определять в категориях западной системы стратификации, то максимум недовольства и напряжения отмечается в группах, занимающих место между «средненизким» и «низшим» классами. Между теми, кто сохраняет свое прежнее положение или поднялся до него, и теми, кто сегодня стоит на нижних ступеньках социальной лестнице (составляющих нижнюю треть). Напряжение связано со статусной неопределенностью или неустойчивостью социального положения: человек остро переживает свое социальное снижение или, что тоже очень характерно для зон напряженности, он даже реально поднимается вверх, но боится опять опуститься по лестнице социальной иерархии. Вот здесь — на стыке среднего и нижнего уровня статусов — и возникают наибольшее напряжение и наибольшая зависть. Те, кто ниже среднего, соотносят себя со средними и испытывают острый комплекс неполноценности от того, что они не могут достигнуть среднего уровня, быть по меньшей мере «как все». Причем напряжение равносильно, поднимается ли жизненный уровень этой группы или опускается. В социально-профессиональном плане, как правило, эти люди — бюджетники, специалисты с высоким уровнем образования и низкими доходами. Здесь фиксируется наибольший разрыв между самооценкой и действительностью, то есть тем, что им, по их представлениям, положено получать, и тем, что они имеют»²¹.

¹⁹ Новая русская зависть. http://www.gazeta.ru/comments/2008/07/23_x_2791350.shtml.

²⁰ Там же.

²¹ Новая русская зависть. http://www.gazeta.ru/comments/2008/07/23_x_2791350.shtml.

Все это означает, что идет формирование принципиально новой социальной среды, в которой традиционные схемы и обоснования благотворительной деятельности срабатывать не будут.

Во-первых, размывается класс нуждающихся.

Во-вторых, иссякает энтузиазм благотворителей, которые начинают понимать, что никакими, даже самыми масштабными акциями невозможно решить ни одной более или менее значимой социальной проблемы.

В-третьих, происходит ренессанс государства. (Например, Российское государство после прихода к власти Владимира Путина, взяло линию на концентрацию в своих руках всех основных ресурсов социального развития во всех сферах жизнедеятельности общества. Властные структуры берут под свой контроль в том числе и те ресурсы, которые бизнес готов вкладывать в благотворительность.)

Ну, и наконец, невозможно не сказать о все увеличивающемся и не имеющем тенденции к снижению количестве природных, технологических и социальных катастроф, влекущих за собой огромные человеческие бедствия. При этом каждая такая катастрофа становится и для отдельных государств и для мирового сообщества неожиданностью, поводом для лихорадочных, суматошных действий, и привлечения огромного количества дилетантов и благотворителей. Между тем понятно, что пришло время для создания глобальных систем мониторинга, предупреждения и ликвидации последствий такого рода катастроф, которыми должны заниматься соответствующие специалисты и специальные фонды.

Что же делать в этих условиях?

Во-первых, пора перейти от абстрактно-философских обсуждений категории «справедливость» к поиску эффективных практических приложений накопленных рассуждений к живой практике.

Во-вторых, расстаться с иллюзией, что благотворительность, какие бы масштабы она не принимала, может решить социальные проблемы.

Необходимо точно определить обязанности государства и межгосударственных институтов в сфере решения основных социальных проблем и позволить ему, государству, иметь для этого достаточные материальные и финансовые ресурсы. Разумеется, при полной прозрачности деятельности власти, с одной стороны, и праве на общественный контроль ее действий, с другой стороны.

В-третьих, благотворительность должна самоорганизовываться не как область деятельности владельцев крупных состояний и обслуживающих их экспертов и профессионалов, решающих, куда направить консолидированные финансовые ресурсы, а как арена массового социального творчества среднего класса. Именно здесь представители среднего класса могут найти ускользающий смысл жизни.

В-четвертых, надо найти новую философию благотворительности, дающую убедительные обоснования как для благотворения, так и для благополучения.

В-пятых...

В-шестых...